

Научная статья / Research Article

УДК 316.4

DOI: 10.14258/SSI(2022)4-10

Трудности изучения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних и ситуационный подход к обеспечению безопасности

Татьяна Владимировна Шипунова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
shtatspb@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9108-8647>

Аннотация. Создание программ по обеспечению безопасности населения в разных сферах требует тщательного изучения всех аспектов, представляющих собой угрозы для реализации программ и социальных групп. Это утверждение относится и к сексуальному насилию в отношении несовершеннолетних. Помимо вариабельности статистических данных и высокого уровня латентности, изучение сексуального насилия в отношении этой группы населения сопряжено с некоторыми проблемами теоретического и прикладного характера, которые пока не нашли своего решения. В статье автор сначала дает краткую характеристику явления, акцентируя внимание на педофилии, после чего рассматривает основные трудности, сопряженные с изучением феномена нарушения прав несовершеннолетних в сфере половой неприкосновенности. Рассмотрение проблемных зон связано с дискуссиями, развернувшимися в зарубежном и отечественном публичном поле касательно границ нормальности сексуальных отношений, особенно когда это касается детей. В статье освещены вопросы, связанные с конструированием сексуального насилия в обществе, возможностями изучения такого насилия в семье, квалификацией поведения несовершеннолетних жертв насилия и определением характеристик преступников. Трудности изучения феномена сексуального насилия в отношении несовершеннолетних не могут не сказаться на мерах защиты данной группы населения. Преимущественное использование государством уголовно-правовых мер для обеспечения безопасности детей в сфере половой неприкосновенности не может быть эффективным, поскольку не обеспечивает контроль за разветвленной системой взаимосвязей в современном обществе. Дополнением к репрессивному государственному контролю может стать система превентивных мероприятий, базирующаяся на ситуационном подходе.

Ключевые слова: сексуальное насилие, педофилия, несовершеннолетние, преступления против половой неприкосновенности, безопасность и защита, ситуационный подход

Для цитирования: Шипунова Т.В. Трудности изучения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних и ситуационный подход к обеспечению безопасности // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 4. С. 171–184. doi: 10.14258/ssi(2022)4-10.

Difficulties in Studying Sexual Abuse Against Minors and a Situational Approach to Ensuring Security

Tatiana V. Shipunova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
shtatspb@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9108-8647>

Abstract. The study of sexual violence against minors, in addition to the variability of statistical data and a high level of latency, is associated with some theoretical and applied problems that have not yet been resolved. The author first gives a brief description of the phenomenon, focusing on pedophilia, and then considers the main difficulties associated with the study of the phenomenon of violation of the rights of minors in the field of sexual integrity. Consideration of problem areas is associated with discussions that have unfolded in the foreign and domestic public field regarding the boundaries of normality in sexual relations, especially when it comes to children. The article highlights issues related to the construction of sexual violence in society, the possibilities of studying such violence in the family, the qualification of the behavior of juvenile victims of violence and the definition of the characteristics of criminals. The difficulties of studying the phenomenon of sexual violence against minors cannot but affect the protection measures for this group of the population. The state mainly uses criminal law measures to ensure the safety of children in the field of sexual integrity, but these measures are not always effective. A system of preventive measures based on a situational approach can be an addition to repressive measures.

Keywords: sexual violence, pedophilia, minors, crimes against sexual integrity, security and safety, situational approach

For citation: Shipunova, T.N. (2022). Difficulties in Studying Sexual Abuse Against Minors and a Situational Approach to Ensuring Security. *Society and Security Insights*, 5(4), 171–184. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)4-10.

О сексуальном насилии в отношении детей заговорили в конце XIX в. после широкомасштабного исследования в Британии, проведенного обществом «National Society for the Prevention of Cruelty to Children» и выявившего большое число изнасилованных детей. С этого момента интерес исследователей к теме только возрастал, чему способствует рост преступлений против детей на сексуальной почве. Однако изучению явления для последующего обеспечения безопасности несовершеннолетних в сфере половой неприкосновенности препятствуют разные факторы. Сюда относится высокий уровень латентности преступлений, некоторая табуированность темы для широкого публичного обсуждения, создание в СМИ специфического образа насильника, не всегда соответствующего действительности. Имеются и другие трудности, связанные с исследованием характеристик преступников и жертв преступных посягательств, которые также вовлечены в криминальную ситуацию. Рассмотрение этих и других трудностей изучения сексуального насилия и возможностей обеспечения безопасности детей является целью данной статьи.

Понятие сексуального насилия в отношении несовершеннолетних

Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних стало серьезной социальной проблемой, в первую очередь в связи с ростом числа преступлений против половой неприкосновенности данной категории населения. Если в 2009 г. было зарегистрировано 9986 преступлений данного вида, то в 2018 г. их было совершено уже 14 152 (Кириухин, Шмарион, 2020: 222). В 2020 г. прирост составил еще 7,2% (15 822 преступления)¹. Более половины (52,2%) таких посягательств сопровождаются другими преступлениями (убийства, причинение вреда здоровью, вовлечение в проституцию) (Кириухин, Шмарион, 2020: 223). Специалисты считают, что эти цифры могут быть в 3–6 раз больше за счет латентных сексуальных преступлений. Исследовательские данные могут варьироваться в зависимости от применяемой терминологии и предмета исследования: будут ли это только случаи с малолетними детьми или сообщения взрослых о своем опыте в детстве, учитываются факты насилия в семье или со стороны сверстников и т.д. (Ковтун, 2014: 69).

В широком смысле сексуальное насилие понимается как использование ребенка взрослым человеком или более старшим ребенком (подростком, молодым человеком) в качестве объекта для удовлетворения собственных сексуальных потребностей с применением насилия или без него, с опорой на доверие и свои властные возможности. К наиболее частым формам сексуальных злоупотреблений относятся: словесные приставания; «сексуальные прикосновения»; оральные, вагинальные и анальные изнасилования (Eugen, 1993: 29). Жертвами сексуального насилия могут быть совсем маленькие дети (до 5 лет) и дети более старшего возраста. Например, в Германии в 42% случаев сексуальные злоупотребления начинаются в возрасте от 6 до 7 лет, но могут происходить в отношении новорожденных и грудничков. Основная часть сексуальных злоупотреблений приходится на возраст от 7 до 13 лет (75%) (Keine Gewalt..., 1998: 13).

В УК РФ сексуальное насилие отражено в списке преступлений против половой неприкосновенности: изнасилование — ст. 131; насильственные действия сексуального характера — ст. 132 (мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения); понуждение к действиям сексуального характера — ст. 133; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, — ст. 134 (дается детализация по разным возрастным группам субъектов и жертв насилия); развратные действия — ст. 135. Специалисты, занимающиеся проблемой сексуального насилия, выделяют преступления как результат развратных действий (все половые преступления, инцест), вовлечение в детскую проституцию (секс-торговля) и порнографию (Гришин, Шахматов, 19: 202). Все эти виды, особенно два последних, связаны с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних и сопровождаются другими преступлениями (убийства, увечья, содержание в рабстве и т.д.). Чувствительной является тема педофилии. Три четверти педофилов ориентированы на жертв-девочек (Бартол, 2004: 250).

¹ В России растет число сексуальных преступлений против детей. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2021/05/31/1904223.html>.

Развитие цифровых технологий позволило расширить границы сексуального насилия. С секстингом как разновидностью развратных действий в Интернете (Бастрыкин, 2017: 7) сталкивались около 30% подростков 11–16 лет (Туркулец, 2020: 3). С помощью цифровых технологий развратные действия совершают даже лица, находящиеся в местах лишения свободы (Бастрыкин, 2017: 7).

Опасность сексуального насилия в отношении несовершеннолетних заключается в его последствиях для детей, которые могут по-разному проявляться в возрастных группах. Например, дети до 3 лет могут переживать страхи, спутанность чувств, нарушение сна, потерю аппетита, агрессию, страх перед чужими людьми, а у детей дошкольного возраста психосоматические реакции замещаются эмоциональными нарушениями (тревога, боязливость, спутанность чувств, вина, стыд, отвращение, беспомощность, ощущение своей испорченности) и нарушениями поведения (регресс, отстраненность, агрессия, сексуальные игры, мастурбация) (Смирнов, 2016: 185). Исходя из этого, в понятие сексуального насилия следовало бы добавить фразу о неизбежных негативных последствиях для ребенка, которые будут в дальнейшем влиять на его жизнь (даже если злоупотребление совершено без явного физического вреда и/или «по согласию» несовершеннолетнего).

Трудности в изучении сексуального насилия в отношении детей

Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних требует незамедлительной реакции государства и общества, однако обеспечение безопасности по этому вопросу сопряжено с трудностями и проблемами как теоретического, так и практического характера. Выделим лишь четыре из них.

Конструирование понятия сексуального насилия в обществе. Представления о таком насилии в повседневной жизни — это своего рода социальный конструкт, который профессиональный наблюдатель, как правило, сам не испытал. «Но и для тех, кто непосредственно причастен к насилию, понимание того, что произошло на самом деле, всегда является реконструкцией» (Bernecker-Wolff et al., 2000: 24), т.е. интерпретацией неких действий и наполнением их определенными смыслами. Это, в свою очередь, может привести к искажению представлений о распространенности сексуального насилия. Так, по сведениям судебного департамента при Верховном Суде РФ, жертвы сексуального насилия чаще подвергаются изнасилованию такими же несовершеннолетними (68%) и реже — криминальному мужеложству и иным действиям сексуального характера (32%). По данным других источников, дело обстоит наоборот: доля изнасилований среди пострадавших детей меньше доли «подвергшихся насильственным действиям сексуального характера с их стороны» (32,8% и 67,2% соответственно) (Смирнов, 2016: 179).

Дело усложняется тем, что, как считают некоторые специалисты, с одной стороны, кодификация в праве разных видов проявления сексуального насилия в отношении детей выступает как реакция на моральные паники, свойственные «обществу осуждения» (Dollinger et al., 2011: 244), а с другой — сам феномен сексуального влечения к малолетним и его влияние на конвенциональные рамки нормальности еще не до конца изучены (по крайней мере, относительно случаев ненасильственной близости с малолетним). На этой почве может возникнуть

феномен размывания границ допустимого, сопровождающийся недоговорками, подменой смыслов, сменой акцентов. Например, многие педофилы вообще не считают свое поведение отклоняющимся от нормы (Блэкборн, 2004: 364), поскольку они думают, что не вредят ребенку, если действуют с его согласия и в соответствии с его желаниями. Такое оправдание может стать основой объявления педофилии совершенно нормальным явлением, как это сделала испанский министр по вопросам равноправия, провозгласившая, что дети имеют право на сексуальные отношения со взрослыми, поскольку это форма «познания себя»¹. Возможно, это только начало западной кампании (хотя и получившей осуждение) по легализации педофилии, которое будет иметь продолжение в будущем. К сожалению, в России также имеется благодатная почва для таких идей, по крайней мере, среди части тех, кто уже совершил преступления против несовершеннолетних или готов к этому. Так, по данным на 2019 г. в РФ на учете состояло «около 600 000 мужчин, склонных к совершению половых преступлений. Из них примерно 150 000 совершают или уже совершили половые преступления против малолетних и несовершеннолетних» (Гришин, Шахматов, 2019: 201).

Способствует искажению восприятия сексуального насилия в отношении детей и распространение ценностей общества потребления, в котором провозглашается гедонистическая мораль и доминирование желаний, не ограниченных моральными запретами, особенно в сфере сексуальных отношений. При этом широко тиражируемый концепт «сексуального гражданства» (Weeks, 1998) позволяет объяснить не только выбор сексуальной ориентации, но и рост числа гомосексуальных сексуальных преступлений, в том числе в отношении несовершеннолетних. А продвижение в некоторых СМИ образа насильника как опустившегося, алкоголизированного или наркотизированного, ранее судимого субъекта уводит в тень половые преступления уважаемых людей².

Возможности изучения сексуального насилия в семье. Большинство преступлений против несовершеннолетних на сексуальной почве совершается в семьях (более 67% случаев) (Кирюхин, Шмарион, 2020: 223), поэтому очевидно, что для понимания генезиса такого насилия требуется углубленное изучение семейных отношений, влияния изменения структуры семьи (плюрализм форм супружества, частоту разводов и разрыва отношений, заключение повторных браков и проживание детей с отчимом/мачехой и/или со сводными братьями/сестрами и т.д.), а также динамики изменений родственных связей в расширенной семье. Важно также изучение стиля воспитания, в котором формируется тип взаимодействий между детьми и родителями, актуализируется проблема «родительской власти» над ребенком (Грицай, 2019: 32). «В ситуации внутрисемейного сексуального насилия ребенок может быть подвержен страху остаться один, без родителей, испытывать привязанность к насильнику, особенно если посягательства

¹ В России растет число сексуальных преступлений против детей. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2021/05/31/1904223.html>.

² См., напр.: Бывшего режиссера «Ералаша» приговорили к 14 годам колонии за педофилию. URL: <https://ria.ru/20220721/belostotskiy-1804098585.html>.

совершаются в отношении малолетнего» или больного ребенка, а насильник обладает неограниченной властью (Кирюхин, Шмарион, 2020: 223). А когда речь идет о вине женщины, следует учитывать не только прямое сексуальное насилие в отношении несовершеннолетнего, но и ситуацию, когда женщина оставляет ребенка для присмотра своему любовнику, «который совершает развратные действия» по отношению к нему (Бартол, 2004: 251).

Влияние отношений в семье на сексуальное насилие чрезвычайно важно, однако изучение того, *что* происходит в семье и *как* происходит вовлечение ребенка в преступное злоупотребление, остается труднодоступным, поскольку семья является закрытым институтом и ее неприкосновенность обеспечивается законом. Нет сомнений, этот барьер — защита семьи от контролирующих инстанций — должен максимально сохраняться как принцип взаимодействия государства и ячейки общества, несмотря на то что уже действует ряд агентов контроля (органы опеки, социозащитные учреждения и др.), со стороны которых семьи испытывают давление. Очевидно, что здесь обеспечение безопасности должно начинаться с формирования ценности жизни ребенка и его прав у всех граждан социума, а также просвещения взрослых, ставших родителями, начиная с момента появления ребенка. Эти мероприятия укладываются в концепцию культуры безопасности. При этом культура безопасности должна пониматься не просто как результат секьюризации и усиления контроля, а как сумма убеждений, ценностей и практик индивидов, которые принимают решения о том, что рассматривается как опасность для ребенка и какими средствами можно бороться с этой опасностью (Daase, Engert, & Kolliarakis, 2014: 10).

Определение характеристик преступников. Широко распространено мнение, что наибольшая часть преступлений сексуального характера совершается исключительно «под влиянием индивидуальных особенностей лиц, их совершающих» (Шляпникова, Паршин, 2019: 113). В этой связи у исследователей проявляется стойкий интерес к личности преступника, они предпринимают попытки типологизации сексуальных преступников. Например, в зависимости от способов и обстоятельств совершения преступления выделяют: огорченный тип (удовлетворяют свои сексуальные потребности с применением силы и «приманок»); кровно-насильственный тип (преступление близкого родственника, когда представляется возможность остаться наедине с ребенком). Когда за основу берется мотивационный аспект преступления, то указывают на три типа насильника: насильник-родственник (совершает либо инцест, либо насилие в отношении детей сожителя или сожительницы; испытывает удовлетворение от унижения ребенка и власти над ним); б) насильник-гедонист (исключительно ради получения сексуального удовольствия; чаще всего это серийный педофил); насильник-тиран (за счет ребенка повышает уверенность в своей сексуальной состоятельности) (Вакуленко, Брюхнов, 2018: 55–56). Зарубежные исследователи предлагают классификацию педофилов в зависимости от их поведенческих и эмоциональных особенностей: фиксированный тип (социально незрел, робок, предпочитает дружить с детьми); регрессирующий тип (страдает алкоголизмом, был разведен, часто ме-

няет работу, предпочитает выбирать незнакомых детей далеко от дома); эксплуататор (наличествует антисоциальное поведение, импульсивен, раздражителен); садисты (имеют опыт совершения преступлений, предпочитают жертв своего пола, жестоки, чаще всего похищают и убивают детей) (Бартол, 2004: 52–53). При этом садизм насильников объясняется желанием овладения другим для доказательства установления господства (Schorsch, Becker, 2000: 41), а также попыткой справиться с травмой, полученной в результате жестокого обращения в детстве (Блэкборн, 2004: 367). Как у отечественных, так и у зарубежных исследователей достаточно распространено мнение, что обычно педофил является неудачником в сексуальных отношениях со взрослыми партнерами и пытается свои неудачи компенсировать близостью с детьми (насильственно или обманом, подкупом или шантажом). Несмотря на многочисленные классификации, исследователи признают, что до конца характеристики личности педофила не определены (Гришин, Шахматов, 19: 203–204).

Для теоретического объяснения преступных сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних задействуются биологические подходы, психодинамические концепции, теории научения и социокультурные теории (Блэкборн, 2004: 345–348). Однако их оказывается недостаточно для понимания генезиса сексуального насилия, поскольку «решение совершить растление ребенка, вероятно, является кульминационным моментом множественных влияний на развитие индивидуума и сигналов актуальной ситуации» (Блэкборн, 2004: 370). В связи с этим представления о причинах сексуального насилия над детьми остаются фрагментарными. Если говорить в общем, то поведение и самоощущение насильника опирается на предписанное социумом понимание силы и слабости, которое проходит проверку и корректировку через призму оценки собственного опыта детства (23% преступников в детстве испытывали грубое насилие со стороны близких родственников) (Ковтун, 2014: 68), самооценку и самоконтроль, наличие и/или последствия заболеваний, сексуальные предпочтения и т.д. Здесь воедино сливаются внешние и внутренние факторы преступного поведения, но содержание и число этих факторов, особенно внешних, может существенно варьироваться от случая к случаю.

Поведение несовершеннолетних жертв. Для объяснения насилия часто используют теорию повседневной активности (The Routine Activity Theory). Современное общество создает большие возможности (подходящие случаи) для совершения преступлений. К ним относятся: возросшая мобильность населения, массовая продукция, развитие коммуникативных технологий и т.д. Блага цивилизации становятся все более доступными для большого числа людей, включая несовершеннолетних. Одновременно они повышают возможности взаимодействий между людьми и риски становления жертвой. Особенно страдают дети и люди с душевными расстройствами независимо от возраста, поскольку не могут осмыслить свои и чужие права, дозволенное и запрещенное поведение, способы получения помощи, а также имеют ограниченные возможности обратиться к правосудию (Schneider, 2001: 169–170).

С позиций виктимологии дети являются не только объектом воздействия других, но и сами выступают действующими лицами, имеют собственную реакцию на происходящее, соответствующую их возрасту и социальной зрелости. Как пишет Н. J. Schneider, никто не может стать жертвой преступления только потому, что он родился жертвой. Большое значение имеет эмоциональная зависимость от родителей или других родственников/знакомых (Attachment Theory), ведущая к изолированности и невозможности приобретения коммуникативного опыта и социальной компетенции. При этом повторная виктимизация (Repeat Victimization) часто возникает как результат недостаточной эмоциональной связи с родителями или чрезмерной избалованности в семье, которые порождают страх и неуверенность в себе (Schneider, 2001: 66–69).

Реакции детей на ситуацию насилия могут различаться в зависимости от многих факторов. Имеются разные классификации типов жертв, одна из них подчеркивает значимость поведения самих несовершеннолетних в случае угрозы сексуального злоупотребления со стороны взрослого. В соответствии с ней выделяют следующие типы: жертвы-provokatory, понимающие возможные последствия, но, тем не менее, ведущие себя как соблазнитель; «некритичные жертвы, неосознанно ставящие себя в виктимоопасную ситуацию сексуального насилия»; нейтральные жертвы, по воле случая оказавшиеся в виктимоопасной ситуации (Смирнов, 2016: 182–183). Некритичное поведение жертвы может быть вызвано либо временным кризисным периодом в жизни (ссоры с родителями, неудачи в школе, личностные переживания и т.д.), либо потреблением алкоголя, наркотиков, пребыванием в незнакомой компании. Так, по некоторым данным, в состоянии опьянения или одурманенном состоянии находилась половина жертв сексуального насилия со стороны своих сверстников или более старших ребят. «Из них 37% были в состоянии алкогольного опьянения, 8,7% — под воздействием токсических и 4,3% — наркотических веществ и препаратов», а «в 17,5% сексуальный контакт происходил на самом деле по обоюдному согласию» (Смирнов, 2016: 181). Последний тип в приведенной классификации определен недостаточно, поскольку и здесь имеется какая-то реакция ребенка в зависимости от его ресурсов (физических, психологических), однако она не указана, что может быть объяснено тем, что ее трудно предусмотреть. Но первый тип вызывает особый интерес в том смысле, что он влияет на понимание сексуального насилия в отношении несовершеннолетних. Речь идет о поведении жертв-provokatory, обладающих определенными характеристиками, и прежде всего пагубной зависимостью от своих сексуальных потребностей, которая проявляется в стирании границ нормальности в удовлетворении сексуальных потребностей, частой мастурбации, навязчивых сексуальных фантазиях, удовольствии от просмотра порнографии и т.д. (Дерягин, 2011: 246). Этот тип жертвы показывает, что иногда вступление в связь с насильником является добровольным и может использоваться в последующем для шантажа со стороны жертвы. Кроме того, возникает вопрос о соответствии ситуации понятию «сексуальное насилие», которое может потребовать переопределения или уточнения, с учетом как минимум ограниченной субъектности

жертвы-provokatora из-за его возраста. Это обстоятельство важно также для понимания превенции сексуального насилия.

Следует уточнить: теории виктимизации, используемые при анализе поведения жертвы, обращают внимание на проблемы жертв насилия, совершающих (ошибочные) интеракции с (потенциальными) преступниками, за исключением, пожалуй, случаев сознательной провокации со стороны несовершеннолетнего. Иногда это положение неправильно понимается как желание свести преступление к взаимной ответственности преступника и жертвы, к приписыванию (пусть частичной) вины жертве (*Blaming the Victim*). Виктимологические теории, базирующиеся на интеракционистском подходе, не оперируют такими понятиями, как «нормативность», «вина», «ответственность». Они лишь описывают ошибки в поведении жертвы и создают предпосылки для развития ситуативной превенции (Schneider, 2001: 170).

Возможности обеспечения безопасности несовершеннолетних

Безопасность означает надежную защиту определенных сфер жизни и внушающую доверие узнаваемость такой надежности (Kaufmann, 2015: 22). В современном обществе с его разветвленной системой взаимосвязей монополия государства на обеспечение безопасности не может быть эффективной, особенно при защите прав несовершеннолетних на половую неприкосновенность. Учитывая трудности изучения генезиса сексуального насилия, обеспечение безопасности, с нашей точки зрения, должно строиться на идеях ситуационной криминологии. Главная идея состоит в том, чтобы при помощи превентивных мероприятий научиться манипулировать компонентами ситуации, а главная цель — снизить вероятность рискованного (виктимного) поведения (Krasmann, 2004: 173). В ситуационной криминологии не рассматриваются мотивы преступления, наоборот, акцент делается на «удобном случае», в котором есть все условия для совершения преступления и на которые можно рационально воздействовать превентивными мерами.

В этой связи возрастает роль диагностики криминогенной ситуации. Для организации превенции ее целесообразно проводить не в целом по стране или городу, а на уровне небольшого района, поскольку преступления распределяются в географических зонах не хаотично, они имеют тенденцию концентрироваться в определенных районах, местностях или «горячих точках». При планировании мер превенции можно использовать пятиступенчатую последовательность действий: сбор данных от ряда источников; анализ преступности, который «на выходе» должен быть представлен конкретными схемами/рисунками совершаемых девиаций; определение целесообразных стратегий и мер предупреждения; реализация мероприятий в рамках избранной стратегии; оценка эффективности мер, мероприятий, программ и налаживание обратной связи со всеми субъектами превенции.

Для того чтобы противодействовать сексуальному насилию или чтобы осуществить прерывание причинно-следственных связей, следует определиться, на каком этапе нужно вмешательство. Оно может быть отдаленным («социальным») — в виде действий, которые предпринимаются для оказания влияния на раннем этапе развития ситуации, пока она не стала опасной (влияние на «груп-

пы риска» и т.д.), а также ближайшим (ситуационным) — в виде действий, непосредственно влияющих на ситуацию, протекающую в данный момент времени.

При отдаленном вмешательстве главное — определить, какое ведомство должно быть исполнителем или организатором превентивных действий, а также очертить направления превентивного воздействия. При этом основными направлениями должны стать: а) снижение рисков (например, через повышение компетентности родителей в воспитании детей) и б) поиск ресурсов для активизации факторов защиты (например, активизация или усиление психосоциальных ресурсов ребенка, позволяющих сопротивляться ситуации угрозы насилия) (Eisner et al., 2008: 26–27). Здесь же можно говорить о необходимости мероприятий, направленных на сохранение традиционных ценностей и формирование отношения взрослых членов социума к подрастающему поколению, правам детей во всех сферах их жизнедеятельности. Кроме того, необходимы мероприятия, ориентированные на коррекцию сексуального поведения людей с сексуальными отклонениями, совершившими или потенциально могущими совершить насилие в отношении несовершеннолетнего.

При ситуационном вмешательстве прежде всего следует определить относительно элемента ситуации, который должен стать объектом воздействий. Например, там, где были выявлены риски повторной виктимизации несовершеннолетних, необходимо разработать меры, направленные на усиление механизмов, понижающих вероятность совершения преступных посягательств против несовершеннолетних (например, организация соседского наблюдения, расширенное видеонаблюдение и т.д.).

Ситуационная превенция не означает мероприятия «время от времени». Наоборот, ситуационный подход ориентирует на системную и постоянную работу в рамках специально разрабатываемых программ. В этой связи особое значение приобретает оценка этих программ и мероприятий. При оценивании необходимо предварительно ответить на вопросы: кто осуществляет оценку? (лучше — независимые эксперты) и каковы критерии? (не может быть просто перечень мероприятий). Должна проводиться оценка самого процесса превенции, представляющая собой анализ способа, с помощью которого программа внедрялась в практику, а также результата реализации программы или мероприятия (больше внимания на то, что изменилось).

Заключение

В российском обществе развернута широкая кампания по поддержке традиционных ценностей. В ее рамках законодатели предлагают в том числе различные меры по усилению безопасности подрастающего поколения от нежелательного информационного, идеологического и культурологического воздействия. Происходит ужесточение мер защиты разных групп населения от преступного насилия, в том числе в вопросах защиты прав несовершеннолетних на половую неприкосновенность. Однако в этой области «по-прежнему слишком переоценивается значение уголовно-правовых средств борьбы с преступностью, без признания объективно главенствующего значения мер предупреждения» (Жестеров, 2017: 25).

При этом расширенный контроль зачастую становится самоцелью, не принося серьезных подвижек в достижении безопасности. Чтобы этого не происходило, необходимо широкое обсуждение дискуссионных вопросов, связанных с изучением генезиса сексуального насилия в отношении детей. В статье рассмотрены лишь некоторые трудности, которые помогают шире посмотреть на предмет изучения. Но есть и другие вопросы, требующие дальнейшего изучения. Например, представляет интерес обсуждение генезиса сексуального насилия несовершеннолетних в отношении своих сверстников или младших детей. Важным представляется изучение социально-культурных оснований для распространения гомосексуального сексуального насилия и т.д. Очевидно, что необходим анализ феномена сексуального насилия сквозь призму потребительских ценностей и формирование сексуальности человека постмодерна. Чем шире и глубже будут проанализированы эти вопросы, тем четче будет представление о возможностях обеспечения безопасности несовершеннолетних в сфере сексуальных отношений и создания условий для их полноценного взросления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с.
- Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.
- Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб.: Питер, 2004. 496 с.
- Вакуленко Н. А., Брюхнов А. А. Характеристика преступника, совершающего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3(86). С. 52–58.
- Грицай Л. А. Гуманистические представления о процессе родительского воспитания детей в наследии В. А. Сухомлинского // Педагогика и просвещение. 2019. № 1. С. 31–36.
- Гришин А. Г., Шахматов А. В. Оперативно-розыскная характеристика личности преступника, совершающего половые преступления в отношении малолетних и несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 199–207.
- Дерягин Г. Б. Криминальная сексология. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2011. 398 с.
- Жестеров П. В. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе: монография. М.: Проспект, 2017. 64 с.
- Кирюхин А. Б., Шмарион П. В. Анализ современного состояния преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых в семье // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 221–225.
- Ковтун В. А. Причины и условия половых преступлений в отношении несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2. С. 67–70.

Смирнов А. М. Виктимологическая характеристика посягательств несовершеннолетних на половую неприкосновенность и половую свободу личности // *Lex Russica*. 2016. № 9 (118). С. 178–187.

Туркулец В. А. Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // *Юридические исследования*. 2020. № 5. С. 1–11.

Шляпникова О. В., Паршин Н. М. Специально-криминологическое предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. № 3(83). С. 111–117.

Bernecker-Wolff A., Hutz P., Lauer H., Nowotny E., Thyen U. *Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen*. Berlin: Kinderschutz-Zentrum, 2000. 156 p.

Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. Einleitung: Politik und Unsicherheit // Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. (eds.). *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur*. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014. P. 9–17.

Dollinger B., Fuchs W., Klimke D., Ktetschmann A. Sexualdevianz // *Kriminologisches Journal*. 2011. 43. Jahrgang. Heft 4. P. 243–246.

Eisner M., Ribeaud D., Junger R., Meidert U. Frühprävention von Gewalt und Aggression. Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen. Zürich: Chur. Rüeegg Verlag. 2008. 190 p.

Eugen E. J. *Hilfen für mißhandelte Kinder*. Thiemann Praxis-Leitfaden. Ratingen: Lemke, Peters & Partner GmbH, 1993. 150 p.

Kaufmann F.-X. Sicherheit als Wertidee, Handlungsmaxime und Leitbild von Systemen // *Sichere Zeiten? Gesellschaftliche Dimensionen der Sicherheitforschung*. Münster: Lit Verlag, 2015. S. 21–32.

Keine Gewalt gegen Kinder. Bonn: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend, 1998. 24 p.

Krasmann S. Konstitutive Kriminologie — oder: Zum Topos der Täterfixierung bis in die Gegenwart // *Kriminologische Erkundungen. Wissenschaftliches Symposium aus Anlass des 65. Geburtstages von Klaus Sessar*. Band 6 / ed. Karliczek K.-M. Münster: Lit Verlag. 2004. P. 170–178.

Schneider H. J. *Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie: Überblick und Diskussion*. Münster: Lit, 2001. 468 p.

Schorsch E., Becker N. *Angst, Lust, Zerstörung. Sadismus als soziales und kriminelles Handeln. Zur Psychodynamik sexueller Tötungen*. Bonn: Psychosozial-Verlag, 2000. 326 p.

Weeks J. *The Sexual Citizen* // *Theory, Culture & Society*. 1998. Vol. 15, № 3. P. 35–52.

REFERENCES

Bartol, C. (2004). *Criminal behavior: A Psychosocial Approach*. St. Petersburg: Прайм-Еврознак. 352 p. (In Russ.).

Bastrykin, A. I. (2017). Online Crimes against minors: to the Issue of Victimological Prevention and Criminal Law Assesment. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 1, 5–12 (In Russ.).

- Blackburn, R. (2004). *The Psychology of Criminal Conduct*. St. Petersburg: Piter. 496 p. (In Russ.).
- Vakulenko, N. A., Brjuhnov, A. A. (2018). Characteristics of a criminal who commits sexual violence against minors. *Yurist-Pravoved*, 3(86), 52–58 (In Russ.).
- Gricaj, L. A. (2019). Humanistic ideas about the process of parental education of children in the heritage of V. A. Sukhomlinsky. *Pedagogika i prosveshchenie*, 1, 31–36 (In Russ.).
- Grishin, A. G., Shahmatov, A. V. (2019). Operational-search characteristics of the offender committing sexual crimes against minors and teenagers. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2(82), 199–207 (In Russ.).
- Deryagin, G. B. (2011). *Criminal sexology*. Moscow: YuNITI: Zakon i pravo (In Russ.).
- Zhesterov, P. B. (2017). *Criminal repression in post-industrial society: monograph*. Moscow: Prospekt (In Russ.).
- Kiryuhin, A. B., Shmarion, P. V. (2020). Features of the criminological characteristics of crimes against sexual non-integrity and sexual freedom of minors committed in the family. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 1, 221–225 (In Russ.).
- Kovtun, V. A. (2014). Causes and conditions sexual offenses against. *Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti*, 2, 67–70 (In Russ.).
- Smirnov, A. M. (2016). Victimologic characteristic of offences by minors against sexual inviolability and sexual freedom. *Lex Russica*, 9(118), 178–187 (In Russ.).
- Turkulec, V. A. (2020). Sexting against minors: criminal law and victimological aspects. *Yuridicheskie issledovaniya*, 5, 1–11 (In Russ.).
- Shlyapnikova, O. V., Parshin, N. M. (2019). Specially-criminological prevention of the sexual crimes made against minors. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3(83), 111–117 (In Russ.).
- Bernecker-Wolff, A., Hutz, P., Lauer, H., Nowotny, E. & Thyen, U. (2000). *Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen*. Berlin: Kinderschutz-Zentrum, 2000.
- Daase, Ch., Engert, S. & Kolliarakis, G. (2014). Einleitung: Politik und Unsicherheit. In: Ch. Daase, S. Engert, G. Kolliarakis (eds.), *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur* (pp. 9–17). Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH.
- Dollinger, B., Fuchs, W., Klimke, D. & Ktetschmann, A. (2011). Sexualdevianz. *Kriminologisches Journal*, 43(4), 243–246.
- Eisner, M., Ribeaud, D., Junger, R. & Meidert, U. (2008). *Frühprävention von Gewalt und Aggression. Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen*. Zürich: Chur. Rüeegg Verlag.
- Eugen, E. J. (1993). *Hilfen für mißhandelte Kinder. Thiemann Praxis-Leitfaden*. Ratingen: Lemke, Peters & Partner GmbH.
- Kaufmann, F.-X. (2015). Sicherheit als Wertidee, Handlungsmaxime und Leitbild von Systemen. In: *Sichere Zeiten? Gesellschaftliche Dimensionen der Sicherheitforschung* (pp. 21–32). Münster: Lit Verlag.

Keine Gewalt gegen Kinder. (1998). Bonn: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend.

Krasmann, S. (2004). Konstitutive Kriminologie — oder: Zum Topos der Täterfixierung bis in die Gegenwart. In: K.-M. Karliczek (ed.). *Kriminologische Erkundungen. Wissenschaftliches Symposium aus Anlass des 65. Geburtstages von Klaus Sessar. Band 6* (pp. 170–178). Münster: Lit Verlag.

Schneider, H. J. (2001). *Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie: Überblick und Diskussion.* Münster: Lit Verlag.

Schorsch, E. & Becker, N. (2000). *Angst, Lust, Zerstörung. Sadismus als soziales und kriminelles Handeln. Zur Psychodynamik sexueller Tötungen.* Bonn. Psychosozial-Verlag.

Weeks, J. The Sexual Citizen (1998). *Theory, Culture & Society*, 15(3), 35–52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Владимировна Шипунова — д-р социол. наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Tatiana V. Shipunova — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022;
одобрена после рецензирования 17.11.2022;
принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 01.11.2022;
approved after reviewing 17.11.2022;
accepted for publication 30.11.2022.